

рассматривается как переключение/смешение кодов. (В случае идиша, языка, открытого для заимствований, это не всегда определяется количеством изначально иноязычных лексем.)

А. И. Кузнецова
(МГУ, Москва)

**Традиции и новации в полевых исследованиях
(взаимосвязанность результатов исследования
и методик сбора и документации языкового материала)**

**Tradition and innovation in the research:
interconnection of the results of investigation and methods
for collection and documentation language materials.**

The results of the field work depend on the methods used in the process of the gathering and documentation of language materials and on the other hand these methods modify and change from new results. This interdependence is exemplified at some Finno-Ugric and Samoyed languages.

Полевиками, десятилетиями собирающие материал, работая с информантами (а не получающие сведения из вторых рук), с одной стороны, используют методы, накопленные многими поколениями лингвистов (методики сбора и записи слов и текстов незнакомого языка до появления специалистов отработывали на ощупь путешественники). С другой стороны, сталкиваясь с качественно иными проблемами, выдвигаемыми современной лингвистикой, лингвисты вынуждены искать адекватные этим проблемам методы сбора и анализа новых данных, собираемых в поле.

Одни методы полевой работы держатся столетиями, другие, не успев родиться, заменяются новыми, третьи постепенно устаревают и трансформируются в большей или меньшей степени. Вечным остается метод «тыка» (часто в настоящее время подводящий полевика-лингвиста) и запись текста, хотя сама техника и методика записи, объем текста и средства фиксации материала изменяются постоянно, а в последние десятилетия особенно стремительно.

На одних уровнях языковой документации произошли грандиозные изменения вследствие развития, прежде всего, новой техники (фонетика и фонология); на других изменения связаны в наибольшей степени с изменениями в самой лингвистике (напр., в области синтаксиса, анализ которого неминуемо приводит к анализу дискурса). Таково же положение в области морфологии, анализ которой все больше подчиняется нуждам типологии, требующей дальнейшей разработки существовавшего уже в на-

чале XX века глоссирования текста. Изменяются также методы сбора лексики и особенно способы выявления и уточнения значений слов.

При анализе лексико-семантических данных всплывают на поверхность все новые закономерности построения языка, в частности, обнаруживается взаимозависимость между грамматикой и лексикой, начинаются поиски скрытых криптипов, впервые замеченных еще в середине XX века (1949 г.) Б.Л. Уорфом и называемых теперь иногда криптоклассами. Суть обнаруженной взаимозависимости сводится к тому, что некоторые грамматические категории выявляются на словах лишь определенных семантических групп. Обнаружение подобной взаимосвязи грамматической категории и принадлежности глаголов и / или существительных к определенной семантической группе ведется как с позиций грамматики, так и семантики. В селькупском языке уже Г.Н. Прокофьев и Л.А. Варковицкая отмечали определенную корреляцию между суффиксом *-mšt*, передающим залоговое и рефлексивное значение, и семантической группой глаголов, выражающих «душевные движения или переживания субъекта» [Варковицкая 1947, с.200], а также мгновенные действия, в том числе выражающие «звуковые явления» [Варковицкая 1947, с. 204, с. 206]. Начиная с установления закономерностей в глагольном управлении можно, исходя не только из форм глагола, но и из семантики глаголов и даже из форм имен определенных семантических групп, связанных с глаголами (напр., глаголы движения требуют употребления существительных, означающих вид транспорта, в Instr.).

В результате при обнаружении взаимозависимости грамматики и семантики становится очевидной необходимость разработки новых методик глобального сбора материалов в этом направлении. Необходимо обращаться при этом не только к отдельным глагольным деривационным суффиксам или падежным показателям разных языков, но и к глагольным и именным категориям в целом, учитывая принадлежность глагола и/или существительного к той или иной семантической группе слов. Некоторые грамматические категории, действительно, оказываются типичными лишь для определенных лексико-семантических групп слов или даже только для части из них. Примером может служить категория личности /неличности в языке бесермян, живущих в с. Шамардан Юкаменского р-на Удмуртии. В говоре этого села категория личности в пределах семантической группы одушевленных существительных, означающих родство и свойство, и в именах собственных имеет специфические окончания, отсутствующие в парадигме других одушевленных существительных. При отсутствии категории рода в уральских языках оппозиция одушевленность / неодушевленность и личность / неличность, о которой в свое время писал

Л. Ельмслев в 1956 г., вызывает особый интерес и побуждает лингвистов-полевику к поискам остатков данной грамматической категории существительных и в других финно-угорских языках (см., напр., коми язык).

Сравнение по всем финно-угорским и самодийским языкам дефектных парадигм в разных частях речи, случаев синкретизма и многих других языковых черт открывает возможность типологического рассмотрения все новых и новых языковых особенностей в пределах уральской языковой семьи.

Методика сбора материала по различным языкам изменяется в зависимости от задач и ориентации исследователя, что особенно существенно при получении сведений по миноритарным языкам, нередко стоящим на грани исчезновения. Лингвист, привыкший работать с языками многочисленных этносов, имеющих собственную автономию, литературу и образование на родном языке, далеко не сразу способен понять и увидеть специфику состояния языка, лишенного образования на родном языке, иногда не имеющего даже письменности и испытывающего сильное давление со стороны контактирующего с ним языка (прежде всего государственного). В такой ситуации хранителями языка становятся люди старшего возраста, в меньшей степени – среднего. Молодые при этом не только утрачивают язык и знания этнического характера, они теряют и всякий интерес к тому и другому. Но еще хуже, что и старшее поколение оказывается обреченным на забвение родного языка, поскольку молодые отказываются (а обычно просто не могут) говорить на материнском языке. Именно такую ситуацию можно наблюдать в селах с селькупским населением: так, в с. Фарково родители жаловались, что под влиянием и по требованию молодых и они перестают говорить между собой на родном языке. Есть, конечно, и прямо противоположные случаи: оказавшись в изоляции (в русскоязычном окружении в русском городе), селькуп, достигший среднего возраста, начал говорить с детьми по-селькупски, боясь утратить свой язык совсем. Проблемы подобного рода относятся, скорее всего, к социолингвистической проблематике, которую лингвисты, к сожалению, сплошь и рядом игнорируют и которая вместе с тем сама вызывает к разработке новых методов.

Трудно сказать, известны ли новые методы сбора социолингвистического материала, способы установления уровня знания носителями языка. О новизне того или иного метода можно говорить лишь по отношению к определенному языку, с которым работает лингвист-полевик, не всегда знающий, какие методы используются при работе с другими языками.

В числе таких редко применяемых (возможно, ранее не использовавшихся вообще) методов при работе с селькупам следует упомянуть ме-

тодику обратного перевода текста на селькупский язык с русского (иными словами – восстановление селькупского текста по его русскому переводу, сделанному ранее с селькупского). К неожиданным результатам (в том числе на всех языковых уровнях – на уровне фонетики, грамматики и лексики) привела самозапись информантом собственного текста, позволяющая не только порою обнаруживать новые слова, но и судить о восприятии отдельных звуков данным индивидом. Последний прием наглядно демонстрирует различия в произношении и восприятии некоторых звуков у старшего и среднего или младшего поколений, что особенно характерно для звука, в свое время передаваемого Г.Н. Прокофьевым как [ɕ]: «глубоко-заднеязычный средне-звонкий смычный, наблюдаемый в положении после сонорных m, n, ŋ, l, r, а также в положении между двумя гласными», напр., ɕoɕɕu 'медведь', nɕɕu 'три' [Прокофьев 1935, с.24]. Представители старшего поколения передают его в своей записи через kx, а молодые – через x.

Языки, свидетельства о которых сохранились в записях исследователей более чем столетней давности, предоставляют исследователю возможность говорить об исторических изменениях в этих языках. Чаще всего оказывается, что в архивных материалах сохранились многочисленные отрывочные сведения о языках прежних эпох (об этом говорил на симпозиуме по самодийским языкам в Будапеште весной 2006 г. Е.А. Хелимский). Но и они могут в большей или меньшей степени дать материал для описания исторических изменений практически любого уральского языка, что, естественно, приведет к новым результатам в изучении этих языков. В последние два десятилетия издано немало работ такого рода по ряду уральских языков в дополнение к имевшимся ранее (см., напр., материалы по удмуртскому языку М. Могилина, З. Кротова, Д. Г. Мессершмидта, материалы по селькупскому языку Н. П. Григоровского, Ф. Г. Мальцева, К. Доннера, У. Т. Сирелиуса и др.). Значительные коллекции материалов по языкам и фольклору народов Крайнего Севера и Сибири (в том числе хантов, манси, ненцев, селькупов, нганасан) хранятся в Фонограммархиве Пушкинского Дома РАН в Санкт-Петербурге [Коллекции... 2005]; знакомство с ними дает возможность оценить результаты первых звукозаписывающих аппаратов-фонографов, провести сравнение с современными звукозаписями тех же языков, выявив, таким образом, изменения на фонетическом уровне за прошедшие почти три четверти века и убедившись лишним раз в сосуществовании традиций и новаций.

Литература

Варковицкая Л. А. Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). М., 1947. 270 с. (Рукопись)

Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома. Санкт-Петербург, 2005. 132 с.

Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1. Селькупская грамматика. Ленинград, 1935, 135 с.

Т. Курохтина

МГУ им. М.В. Ломоносова

Специфика сбора языкового материала по суржику

The specificity of collecting of the language material on surzhyk

The problem of collecting language material on surzhyk can't be overestimated. The field studies of surzhyk that took place in April this year in Kiev revealed a number of difficulties connected with investigation of this language phenomenon. The main issue is related to the method of gaining the material. The direct contact with the speaker would undoubtedly spoil the purity of the experiment. In order to get the real picture of communication between the surzhyk-speakers the process of recording should not be noticed by them. The method of recording the needed language material causes a number of other problems in a process of its handling. It makes almost impossible to define some important for such a research sociolinguistic aspects like age group of the informant, his social status, level of education, occupation and, of course, the region where the surzhyk-speaker comes from. The main goal in investigating of surzhyk should be seen for now in collecting it in different parts of the Ukraine, comparing it and marking out the similar (common) features.

1. При исследовании такого языкового явления как суржик¹ так же, как и при изучении любого языкового образования нелитературного происхождения, необходимо учитывать сразу несколько аспектов. Однако прежде всего следует определиться с самим термином «суржик» и очертить круг вопросов, возникающих в ходе его изучения. В специализированной литературе, посвященной его анализу, обнаруживаются различные точки зрения на причины возникновения суржиковой речи. В зависимости от рассматриваемого региона Украины (западный, восточный или южный) мож-

¹ Суржик (от *суржик* – «хлеб или мука из смеси разных видов зерна, например, пшеницы и ржи») – языковое образование, смесь украинского и русского языков, распространённая на большей территории Украины.